

«Саратовский дневник» 1889, 1 декабря, № 258

с. 1-2.

на 1889—90 г. и во других вопросах.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ПО ПОВОДУ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Заметки).

Когда у общества, по той или другой причине, ускользает изъ подъ ногу обычная почва творческой деятельности, когда изъ его рувъ берутся врунныя задачи, листво которыхъ остаются одни жалованья мелочи, тогда оно все дѣлающъ превращается судачить и взаимно похвастаться. Выливаются наружу пустовка, мистицизмъ, помпозность, а все общество превращается въ механическое скопище людей, взаимно непонимающихъ и враждебно настроенныхъ. Тоже происходитъ и со всѣми элементами, изъ которыхъ состоитъ общество. Общественная жизнь огравивается разными мелочами, искусство вступаетъ на путь празднаго бездѣлья, литература обращается въ повтореніе давно забытаго и въ перетрѣсаніе закону не нужнаго слова, а надъ всѣмъ этимъ царятъ море мистицизма, одичавшаго и жалованья похвастанія. Жизнь поддѣлываетъ жизнь, литература поддѣлываетъ литературу, наука—науку, человѣкъ—человѣка.

Самые невѣрные младенцы превращаются тогда въ злыхъ людей.

Есть въ Россіи заслуженный профессоръ Николай Степановичъ такой-то, тайный совѣтникъ и кавалеръ; у него такъ много русскихъ и иностранныхъ орденовъ, что когда ему приходится называть ихъ, то студенты величаютъ его

новостасомъ! Такъ начинаются въ разсказѣ г. Чехова сухая исторія „жизни стараго человѣка“.

Очевидно, старшій человѣкъ просто младенецъ. Это ясно изъ всего, что онъ рассказываетъ и изъ того тона, какимъ онъ рассказываетъ свою жизнь. Рассказываетъ такъ, напротивъ, о своемъ имени и о своемъ характерѣ въ такихъ наивныхъ словахъ:

„Это мое имя популярно. Въ Россіи оно известно каждому грамотному человѣку, а на западѣ оно упоминается съ кафедръ съ прабеніемъ извѣстныхъ и почетныхъ. Принадлежать оно къ числу тѣхъ немногихъ счастливыхъ именъ, бравить которыхъ, или упоминать ихъ всюду, въ публичнѣхъ и въ печати считается признакомъ дурнаго тона. Такъ это и должно быть. Въдѣ съ ними именъ славаго понятіе о человѣчѣхъ знаменитомъ, богато одаренномъ и несомнѣнно полезномъ. Я трудолюбивъ и выносиваю, какъ верблюдъ, въ это важно, и талантитъ, а это еще важнѣе. Къ тому же, въ слову слышатъ, а воспитаніи, скромный и честный милый. Никогда я не совалъ носа въ литературу и въ политику, не искалъ популярности въ полемикѣхъ съ несправедливости, не читалъ рѣчей ни на обѣдахъ, ни на поминахъ своихъ товарищей“...

Ясно, что это говорить младенецъ. Этотъ балагурный лепетъ, это наивное самохвальство и столь же наивное уваженіе („не совалъ носа въ литературу и въ политику“)—все это напоминаетъ шестагодовалаго бебе, который въ первый разъ надѣлъ отцовскіе сапоги и шляпу. И когда этотъ младенецъ рассказываетъ сухую исторію своей жизни

ОБЪЕДЫ И УЖИНЫ ЕЖЕДНЕВНО.

и борючься про свои несчастія, тогда онъ жалуется, что у него щену дергается тѣло, а семья его не понащаетъ, когда онъ идетъ, раздражается, и плачетъ, то мы по человѣчеству можемъ понаждать его, тѣмъ болѣе, что это ребенокъ старшій, умнѣвшій.

Но едва мы успѣемъ понаждать его, какъ начинаете возноваться въ своемъ чупствѣ. Для насъ Николай Степановичъ по прежнему остается младенцемъ, но оказывается, что этотъ младенецъ злощій, злонастроенный и хвастаетъ не безвредно. Рассказывая свою жизнь, онъ по пути, докторальными тономъ возмущалаго человѣка, третировать искусство, литературу, науку, студентовъ, общество и пр. Онъ не на шутку воображаетъ, что онъ всевропейскій талантъ, и воображая это, раздаетъ нижние совѣты и реприманды направо и на лѣво. Что тутъ дѣлать? Конечно, а въ этомъ случаѣ можно понаждать по человѣчеству заблуждающаго ребенка; но съ другой стороны, какъ оставить его въ такое третированіе искусства, науки, литературы безъ возмущенія, если это третированіе пишется серьезно, съ великимъ оуболеніемъ и тенденціозно?

Приходится вести разговоръ съ младенцемъ, опровергать его, возражать ему, стыдить. Знать, что (борьба-то съ младенцемъ) случное и бесслынное, но по нашему пренебреженію мало ли какихъ случныхъ разговоровъ приходится вести. Случно, бездѣшно, нудно, а необходимо.

И такъ, что такъ такое лепечете, Николай Степановичъ? Его разсказъ не имѣетъ собственно фабулы, а потому нѣтъ нужды и доказывать ему; но за то онъ

Саратовский дневник 1889, 1 декабря, № 258

Содержание по содержанию...

внѣтъ содержаніе, богатое и разнообразное содержаніе всего и обо всемъ,—это для читающаго человека удобно. Николай Степановичъ съ младежеской откровенностью разглагольствуетъ все, что онъ думаетъ и все его разсказъ сначала и до конца проникнутъ множественъ тенденціи,—это еще удобнѣе для читателя; нѣтъ нужды ломать голову, отыскивая идеи Николая Степановича; онъ самъ преподноситъ ихъ. Такъ что это собственно не разсказъ, а лекція, которую читаютъ въ воображеніи младевецъ воображаемой аудиторіи...

Вотъ онъ читаетъ о театрѣ... По его мнѣнію „сатирическую и добѣдливую толпу можно убѣдить въ томъ, что театръ въ настоящемъ его видѣ есть школа. Но это знающій ее школой въ истинномъ ея смыслѣ, того ни эту удочку не поймешь. Не знаю, что будетъ черезъ 50—100 лѣтъ, но при настоящихъ условіяхъ, театръ можетъ служить только развлеченію. Но развлеченіе это слишкомъ дорого для того, чтобы продолжать пользоваться имъ. Оно отнимаетъ у государства тысячи молодыхъ, здоровыхъ и талантливыхъ мужчинъ и женщинъ, которые, еслибы не посвящали себя театру, могли бы быть хорошими врачами, хлѣбопашами, учителями, офицерами; оно отнимаетъ и публики вечерніе часы—лучшее время для умственнаго труда и товарищескихъ бесѣдъ. Не говорю уже о депошковыхъ затратахъ вѣтъ нравственныхъ потеряхъ, какіе несутъ граждане, когда видятъ на сценѣ неправильно трагическаго убійство, прелюбодѣіе, прелюбодѣіе, или вѣселу“.

Очень это разсудительно читаетъ Ни-

колай Степановичъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ театръ—не школа, а двусмысленное развлеченіе; этотъ фактъ констатируютъ давно уже наши писатели, наши образованные театралы, наши художники, а Николай Степановичъ очень разсудительно повторяетъ давно извѣстную истину. Но, какъ истинный младевецъ, повторяетъ ее такъ, какъ будто онъ впервые ее открылъ; притомъ повторяетъ такъ, что никакой пользы изъ нея не вытекнетъ. Сколько ни говори разсудительныхъ словъ, но вѣдь надо же считаться съ дѣйствительностью, съ современной публикой, съ современной жизнью. Можно разсудительно читать, что театръ развлеченіе, влекущее за собой многія нравственныя потери, но публика все-таки пойдетъ въ театръ и будетъ слушать, какъ тамъ „неправильно трагическаго убійство, прелюбодѣіе или вѣселу“; пойдетъ слушать „Ивановъ“, который кричать со сцены, что онъ усталъ отъ непосильныхъ общественныхъ трудовъ, пойдетъ слушать Петрова, который закричитъ что нибудь еще хуже. Театръ сдѣлался неотъемлемой принадлежностью нашей жизни и—можно быть довольнымъ современнымъ его состояніемъ, но надо же сказать, какъ его реформировать.

Впрочемъ, не стоить строго относиться въ младецу; будетъ благодаренъ и за то, что онъ разсудительно повторяетъ чужіе мысли.

Но вотъ онъ начинаетъ читать какъ о состояніи современной литературы, и при этомъ дѣлаетъ строжайшіе выговоры, прерывительно и огуломъ отрицая нѣкоторыя достоинства этой литературы. Такъ,

о „серьезныхъ статьяхъ, напирѣхъ, по социологіи, по искусствѣ и пр.“ онъ отзывался весьма неодобрительно. Сравнитъ авторовъ ихъ съ канцелярскими и швейцарскими, внушающими ему страхъ въ дѣтствѣ, Николай Степановичъ, говорить: „читая серьезныя статьи, я чувствую точно такой же неопредѣленный страхъ. Необычайная важности, угрюмый генеральскій тонъ, фантасмагорическое обращеніе съ иностранными авторами, утилитарность достоинствъ перелывать изъ пустаго въ порожнее—все это для меня непонятно, страшно и все это не похоже на серьезность и джентльменскій обиходъ...“ Отношенія авторовъ серьезныхъ статей другъ къ другу грубѣйшія. „Въ самомъ дѣлѣ, эти отношенія таковы, что о нихъ можно говорить только съ таинственнымъ чувствомъ. Другъ къ другу и къ тайнописателямъ, которыхъ извѣщаютъ, относятся они для извѣстнаго почтительно, изъ страха своихъ достоинствъ, или же на оборотъ, третируютъ ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ я въ этихъ запискахъ и мысляхъ своего будущаго зятя Гнезкера. Обвиненія въ левѣйшести, въ нечестности извѣреній и даже во всякаго рода уголовныхъ составленіяхъ обычное утѣшеніе серьезныхъ статей...“ вслѣдствіе этого, въ тѣхъ запискахъ, какія приобрѣла въ послѣднія 10—15 лѣтъ наша изящная словесность, герои нѣтъ много подвѣвъ, а героини недостаточно цѣломудренны“.

Тутъ видимо, младевецъ Николай Степановичъ поналъ въ просакъ и наболталъ чепуху, наболталъ потому, что не понимаетъ, о чемъ говорить. Какіе образцы грубыхъ тоновъ статей по социологіи могъ проназвать то, что у нашихъ

беллетристовъ появились герои, имеющие много подка и героизма, недостаточно цѣломудренныя,—этотъ курьезъ еда ли пойметъ и педагогъ, знающій дѣтскій умъ. Ясно только то, что пздѣсь, въ лекціи о нашей серьезной литературѣ, Николай Степановичъ постъ съ чужого голоса; вѣроятно онъ слышалъ гдѣ-то о существованіи у насъ „статей по социологіи и искусству“, посвященныхъ страстно, съ увлеченіемъ и юношеской невоодержимостью, слышалъ, можетъ быть, в а полемикѣ, вызванной этими статьями и прочитавъ о нихъ отчетъ у г. Буренина, вздумалъ теперь шегольнуть знаніемъ этого рода нашей литературы. На это можно ему только посоветовать, чтобы онъ не во всемъ доверялся—*Нашему Времени* или *Оскалкамъ*, а бралъ бы разсудительныя мысли въ болѣе благонадежныхъ источникахъ.

Однако любознательнаго взгляда младенца на современную нашу литературу за 10—15 лѣтъ; насколько этотъ взглядъ позанимствовалъ изъ другихъ источниковъ и насколько онъ является плодомъ младенческаго размышленія—это не трудно разобрать.

„Исключая двухъ-трехъ стариковъ, говоритъ Николай Степановичъ, вся нынѣшняя литература представляется мнѣ не литературой, а въ своемъ родѣ кустарнымъ промысломъ, существующимъ только для того, чтобы его поощрять, но неохотно пользовавшись его издѣліями. Самое лучшее изъ кустарныхъ издѣлій нельзя назвать замѣчательнымъ и воль-

за искренно похвалить его безъ *мо*; тоже самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ новинкахъ, которыя я прочелъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ; изъ одной замѣчательной я не обойдешься безъ *мо*. Умно, благородно, но не талантливо; талантливо, благородно, но не умно; или наконецъ—талантливо, умно, но не благородно“.

Если исключить послѣднія похвальные фразы—„талантливо, умно, но не благородно“ в т. д., фразы, лишенные смысла, то остается весьма отрицательное отношеніе младенца къ литературѣ, похожій, по его мнѣнію на кустарный промыселъ. Дальше онъ объясняетъ, почему литература такая плохая. Вся бѣда въ томъ, что русскіе авторы лишены „чувства личной свободы“.

„Я не помню, говоритъ Николай Степановичъ, изъ одной такой новинки, въ которой авторъ съ первой же страницы не постарался бы опутать себя всякими условностями и контрактами съ своей совѣстью. Одинъ боится говорить о голомъ тѣлѣ, другой связалъ себя по рукамъ и ногамъ психологическимъ анализомъ, третьему нужно теплое отношеніе къ человеку“, четвертый цѣлыя страницы размазываетъ описаніями природы, чтобы не быть заподозреннымъ въ тенденціозности... Одинъ хочетъ быть въ своихъ произведеніяхъ непременно ифшавиномъ, другой непременно дворяниномъ в т. д. Умышленность, осторожность, себѣ на умъ, но вѣтъ ни свободы, ни мужества писать, какъ хочется, а стало быть, вѣтъ и творчества“.

стало: общественное собраніе, при уча-

По объявленію, павный и мало-свѣдующій Николай Степановичъ повторять чья-то чужія мысли, прибавивъ къ нимъ и нѣчто свое, но такое, что вызываетъ только улыбку. Онъ слышалъ гдѣ-то и когда-то, что русскіе авторы не пользуются чувствомъ свободы, но принавъ свободу за возможность говорить о голомъ тѣлѣ безпреступно, сказалъ нѣчто бессмысленное, отчего утратился въ его словахъ настоящій смыслъ чувства свободы. Кажется, той свободѣ, о которой говоритъ Николай Степановичъ, у насъ достаточно, сколько угодно можно говорить и дѣйствительно говорится о голомъ тѣлѣ; сколько угодно дозволяется быть не тенденціознымъ и бросать въ сторону скромность, умышленность и совѣсть и отбросивъ всѣ эти пута, писать мужественно и свободно всякую пакость, какая только взбредетъ въ опустѣвшую голову. Все это дозволяется и практикуется въ широкихъ размѣрахъ; вѣтъ только настоящей свободы, той свободы, отсутствіе которой младенцы не чувствуютъ.

Точно такъ же павно перечислялъ Николай Степановичъ и въ общей картинѣ современной литературы. Онъ слышалъ жалобы—на плохое состояніе этой литературы, но не разобрался въ нихъ. За послѣднія 10—15 лѣтъ, по его мнѣнію, онъ встрѣчалъ не литературу, а какія-то кустарныя издѣлія. Но въ эти 10—15 лѣтъ въ нашей литературѣ совершились событія, которыя долго будутъ памяты въ исто-

рия. За это время Достоевский допывал свою лебединую пѣсню; гр. Толстой выпускал въ свѣтъ Анну Каренину и цѣлый рядъ замѣчательныхъ работъ, какъ „Смерть Ивана Ильича“, „Власть тьмы“ и др. Салтыковъ за это время развернулъ всѣ силы своего генія, поражая чуть не каждый мѣсяцъ воображеніе вѣрныхъ читателей блестящими своими работами. Это время выдвинуло на сцену Гаршина и Надсона—одинаково глубокихъ и ясныхъ; въ это время родились Короленко и Чеховъ. За это время дали лучшія свои вещи Успенскій и Златовратскій, окрѣпла народническая литература, а вся русская литература окончательно вступила на самостоятельный, національный путь, завоевавъ себѣ среди другихъ литературъ особое, самостоятельное мѣсто и значеніе. Однимъ словомъ въ эти послѣдніе 10—15 лѣтъ займутъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи нашего развитія. Правда, Николай Степановичъ выделяетъ въ особую группу „2—3 стариковъ“, не осмѣливаясь причислить ихъ къ кустарямъ; но вѣдь это выдѣленіе искусственно и произвольно; литература каждого данного періода времени есть сумма всѣхъ слѣдующихъ, вѣроятно ли, напр. Салтыкова отодвѣсти отъ семидесятихъ годовъ, когда именно эти то годы и были свидѣльями его неистощимаго творчества, хотя по возрасту онъ человѣкъ шестидесятихъ годовъ. Съ другой стороны, возможно ли причислить Гаршина и Надсона къ кустарямъ, а ихъ созданія къ

кустарнымъ выдѣламъ, которыя существуютъ только затѣмъ, чтобы ихъ поощрять, но неохотно ими пользовались? Это явно недоразумѣніе...

Однако, какъ же оно могло возникнуть? Какъ случилось, что названный Николай Степановичъ именно эти страницы литературы пытается презрительно третировать? Прозошло это отъ того, что Николай Степановичъ по всей вѣроятности за это время читалъ только „Осколки“, „Новое Время“, „Гражданинъ“ и воображалъ, что онъ слѣдитъ за русской литературой; что онъ отчасти былъ знакомъ и съ настоящей литературой, но смѣшалъ ее въ одно мѣсто съ той, которая была его главной пищей.

Для Николая Степановича это смѣшеніе роковое.—онъ отъ него не можетъ отдѣлаться и не въ силахъ разъединить двѣ вещи: храмъ и его задніе дворы; оттого содержимое послѣднихъ онъ приписываетъ первому. Между тѣмъ „послѣдніе 10—15 лѣтъ“ не потому нечестны, что лишены настоящей литературы, а потому, что настоящую литературу за это время стала заглушать улица в ея жизни. Улица настроила вокругъ храма заднихъ дворовъ, вторглась въ самую внутренность его, открыла тамъ лавочки и устроила въ нихъ шумное торжище; она же ввела спросъ и на кустарныя выдѣлы темныхъ ремесленниковъ. Такъ что кустари дѣйствительно явились, но явились не въ литературу собственно и не по ея требованію, а на торжище и по требованію торгующихъ.

Причемъ тутъ литература? Литература по прежнему осталась храмомъ и по прежнему въ этомъ храмѣ присутствуютъ вѣрующіе и молящіеся; ихъ голоса по временамъ заглушаются шумомъ торгующихъ и суетой кустарей, но только роковое ослѣпленіе можетъ смѣшивать ихъ съ послѣдними.

Николай Степановичъ еще много говоритъ разныхъ разностей объ университетахъ, о студентахъ, объ ученыхъ, объ артистахъ, напр., не разбираетъ эту болтовню не стоятъ; читатель можетъ и самъ разобраться во всей его „скучной исторіи“ (См. Вѣсти. Ноябрь). Не позволяйте имъ себѣ заниматься рассказомъ Николая Степановича и съ художественной стороны—не ише это дѣло. Въ общемъ этотъ рассказъ напоминаетъ рассказъ г. Чехова, только весь исполосованный ходячими рассужденіями и тенденціями; въ частности—много страннаго. Такъ, описываетъ характеръ своего прозектора, узкаго и пугаго Петра Игнатьевича, Николай Степановичъ говорить: „Я бы дорого далъ, чтобы посмотрѣть, какъ этотъ сукин сынъ спитъ со своей женой“. Можетъ быть истинна найдутъ это язвочками и цѣлующими, а можетъ быть, найдутъ тутъ просто употребленіе „чувства свободы“—не знаемъ; какое намъ до этого дѣло! Въ старческой болтовнѣ Николая Степановича мы, заинтересовались только тѣмъ, что всѣмъ интересно. Е. Н.